

УДК 340.11
doi:10.35853/vestnik.gu.2024.12-4.05
5.1.1.

С. С. Алексеев о некоторых тенденциях мирового правового развития: «Право на пороге нового тысячелетия»

Алексей Павлович Семитко

АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия,
<https://orcid.org/0000-0003-4425-3053>

Аннотация. Рассматривается работа С. С. Алексеева «Право на пороге нового тысячелетия. Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи» (2000), в которой ее автор анализирует тенденции мирового правового развития, используя, помимо прочего, кейс-метод. Раскрываются сущность права, его смысл и предназначение как института, нацеленного на обеспечение свободы человека, на противостояние произволу и насилию, что соответствует глубинной потребности людей. Исходя из сущности права выделяются некоторые важнейшие тенденции мирового правового развития, находящиеся в разной стадии их формирования, утверждения: права человека становятся действующим правом на «наднациональном», надгосударственном уровне; они превращаются в супермощную, универсальную юридическую силу; по вопросам прав человека утверждается идея универсальной юрисдикции. Формируется объективное право человека, когда действующая юридическая система по своему содержанию, юридическим механизмам и процедурам настроена на служение человеку, права которого становятся полновесными субъективными правами, высшим общечеловеческим и юридическим критерием при решении любых правовых вопросов. Однако права человека не могут служить непосредственной юридической основой для вынесения органами исполнительной власти юридически значимых решений, и особенно в сложных, конфликтных ситуациях. Это могут делать только органы правосудия, в том числе правосудия международного. Отмечены тенденции возрастания роли судебной власти, а также правовой конвергенции. Рубеж тысячелетий в мире характеризуется острой борьбой права и насилия, соответствующих им социальных сил.

Ключевые слова: право, смысл права, предназначение права, тенденции правового развития, права человека, приоритет прав человека, право человека, органы правосудия, правосудный порядок, правовая конвергенция

Для цитирования: Семитко А. П. С. С. Алексеев о некоторых тенденциях мирового правового развития: «Право на пороге нового тысячелетия» // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12, № 4. С. 70–81. DOI 10.35853/vestnik.gu.2024.12-4.05.

S. S. Alekseev on Some Trends in the Global Legal Development: 'Law on the Threshold of the New Millennium'

Alexey P. Semitko

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia,
<https://orcid.org/0000-0003-4425-3053>

Abstract. The paper considers the work of S. S. Alekseev «Law on the Threshold of the New Millennium. Some Trends in the Global Legal Development - Hope and Drama of the Modern Era» written in 2000. In his work, S. S. Alekseev analyses the trends of world legal development,

using, among other methods, the case method. The essence of law, its meaning and purpose as an institution designed to ensure human freedom, oppose arbitrariness and violence, which corresponds to a deep-seated human need, are revealed. Based on the fundamental principles of law, the author identifies several pivotal developments in global legal evolution, which are at different stages of their formation and approval: human rights are being recognized as a valid legal force at the supranational, suprastate level; they are becoming a super-powerful, universal legal force; the idea of universal jurisdiction on human rights issues is being asserted. An objective law of person is constituted when the prevailing legal system is structured in a manner that enables it to serve the individual, whose rights become fully-fledged subjective rights, the highest universal and legal criterion for resolving any legal issues. Nevertheless, it is not feasible for human rights to act as a direct legal foundation for the executive authorities to make legally significant decisions, especially in complex, conflict situations. This is a function that can only be done by the organs of justice, including international justice. An increasing role for the judiciary and the phenomenon of legal convergence has been observed. The turn of the millennium in the world is characterized by an acute struggle between law and violence and their corresponding social forces.

Keywords: law, meaning of law, purpose of law, trends of legal development, human rights, priority of human rights, objective law of person, organs of justice, litigation process, legal convergence

For citation: Semitko AP. S. S. Alekseev on Some Trends in the Global Legal Development: 'Law on the Threshold of the New Millennium'. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2024;12(4):70-81. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2024.12-4.05.

Введение. Актуальность. Являющаяся концептуально-теоретическим продолжением монографии 1999 года «Право: азбука – теория – философия» [Алексеев 1999]¹ и изданная в 2000 году – на рубеже тысячелетий – книга «Право на пороге нового тысячелетия» имеет подзаголовок «Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи» [Алексеев. Право на пороге ... 2010, т. 5, с. 295–548], в котором в краткой, афористичной форме дается оценка состояния права и правового развития в современном мире. С одной стороны, это состояние ученый квалифицирует как драму современной эпохи, своего рода кризис, сотканный из противоречий, конфликтов, серьезных утрат и отступлений от достигнутых ранее позиций, но, с другой стороны, на первое место в характеристике тенденций мирового правового развития² поставлена надежда, то есть вполне оптимистическое предвосхищение результатов указанного развития в будущем, и в работе дается обоснование такой оптимистической перспективы: ученый показывает, что человечество имеет вполне реальный шанс благополучного разрешения складывавшихся в нашу эпоху кризисных правовых процессов. Эта уверенность обосновывается раскрытием смысла и предназначения права как института, нацеленного на обеспечение свободы человека, на противостояние произволу и насилию, что соответствует глубинной потребности человеческого существования или, что одно и то же по смыслу, «человеческой природы» (как говорят сторонники естественно-правовой доктрины) – насущной, жизненно важной

¹ Данная работа не вошла в собрание сочинений, ее основные положения и идеи развиваются в дальнейших работах ученого.

² Позже, в эпилоге, автор уточняет, что из обозначившихся на пороге нового тысячелетия основных направлений, тенденций правового развития в книге охарактеризованы лишь «некоторые штрихи такого развития (именно – некоторые, не более того, притом преимущественно на материалах частного права)» [Алексеев. Право на пороге ... 2010, т. 5, с. 544]. Подчеркнем также, что работа основана на материалах истории права, конституционного права и сравнительного правоведения; авторское уточнение «преимущественно» в отношении частного права позволяет сделать соответствующий реальной проблематике монографии вывод о том, что она основана не только (хотя и главным образом) на материалах частного, но и публичного (в обоих случаях российского и сравнительного) права, а «по ряду вопросов содержание книги представляет собой “теоретическую состыковку” ранее разработанных идей и данных современного сравнительного правоведения, содержащихся главным образом в исследованиях сравнительно-правового профиля по частному праву» [Там же, с. 302].

необходимости для человека свободы и защиты от произвола и насилия. Наличие такой потребности в человеческой природе дает ученому право на надежду и даже уверенность в оптимистической перспективе мирового правового развития, несмотря на определенный рост в мире числа и активности авторитарных политических режимов, на предпринимаемые ими невероятные и порой успешные усилия по продвижению своих мировоззренческих установок и соответствующих им агрессивных, античеловеческих практик, включая расползание по всему миру военных конфликтов различного масштаба и интенсивности.

В масштабе времени, характерном для глобальных исторических процессов, охватывающих весь мир, смена вектора развития и, следовательно, становление новой эры вряд ли может произойти за два-три года даже и «на рубеже» тысячелетий. Эпохи человеческой истории менялись в прошлом в течение тысячелетий (например, неолитическая революция), затем этот процесс стал ускоряться и кардинальные изменения в истории человечества происходили в течение веков (например, переход от Средневековья к Новому времени), а в современных условиях, когда отмечается резкое ускорение в развитии технических, социальных и прочих процессов, можно говорить о нескольких десятилетиях, как минимум, в течение которых одна социально-историческая, в том числе правовая, эпоха может прийти на смену другой, качественно отличной от предыдущей. Поэтому размышления о тенденциях мирового правового развития, высказанные ученым в 2000 году, не утратили своей актуальности и сегодня.

Общий обзор и основные идеи работы. В первых же строках книги, которая начинается с Пролога, ученый ставит вопрос «самому себе и читателю»: анализ тенденций мирового правового развития, предпринятый в работе на рубеже тысячелетий, обусловлен всего лишь хронологическим совпадением времени написания книги и факта вступления человечества в третье тысячелетие христианской эры, или же происходящие вокруг события – само течение жизни – требуют внимательного отношения к праву и, возможно, даже основательного пересмотра представлений о нем, раскрытия в нем новых, неведомых граней, существенных для судеб человеческого общества? Нет, это – не простое хронологическое совпадение: состояние права в современном мире требует особого внимания и фундаментального, углубленного анализа. Чтобы продемонстрировать серьезность мировой ситуации, ученый обращается к нескольким исключительно важным и показательным фактам, используя кейс-метод (метод ситуационного анализа – Case Study), и в том числе к двум разным и, казалось бы, не связанным друг с другом событиям – к жестокой военной акции, предпринятой странами НАТО против Югославии, руководство которой обвинялось в проведении этнических чисток в Косово с применением регулярных вооруженных сил, в том числе и против гражданского населения, а также к делу Пиночета – пожизненного на тот момент чилийского сенатора, которого задержали в Великобритании по запросу Испании об экстрадиции для привлечения его к ответственности за пытки и иные преступления против человечности, совершенные им в бытность его президентом и диктатором Чили в 1974–1990 годах, пришедшим к власти в результате военного переворота 1973 года и свержения демократически избранного социалистического правительства президента Сальвадора Альенде. Эти и другие важные, порой трагические (война в Югославии, в Чечне), события анализируются либо упоминаются (драма курдского народа в Турции и на прилегающих территориях, трактуемая одной стороной участников конфликта как факты «терроризма», а другой – как факты «геноцида») в книге под разными углами зрения, так как проблемы, с ними связанные, не имеют однозначного и бесспорного решения.

С одной стороны, есть ряд, казалось бы, понятных ответов на вопросы, связанные с необходимостью защиты прав и свобод человека, с требованием привлечения к ответственности за преступления против человечности – пытки, этнические чистки и прочие массовые нарушения прав человека, а с другой – привлечение к ответственности за их совершение, а также пресечение преступлений против человечности приводит к

необходимости преодоления государственно суверенитета и в случае применения при этом военных акций неминуемо влечет новые массовые нарушения прав человека, которые совершаются теперь уже – и это неустранимый парадокс – под флагом защиты прав и свобод человека. Эти парадоксы и противоречия рассмотрены в книге всесторонне, но главное – не в них самих, а в тех глубинных, не лежащих на поверхности мировых правовых тенденциях, которые они маркируют. Так, Пиночета после 16-месячного задержания в Великобритании по сугубо гуманитарным соображениям – в связи с состоянием его здоровья – не экстрадировали в Испанию, позволив вернуться в Чили (где, кстати, также поднимался вопрос о его ответственности), но главное, как позже в тексте отмечает ученый, все же произошло. И это главное показывает формирование на рубеже тысячелетий новой мировой правовой тенденции, которая заключается в том, что «нарушение прав человека в любой стране получает оценку в качестве деликта надгосударственного порядка и что вытекающие отсюда правовые последствия имеют обязательную юридическую силу во всем мировом сообществе. А это значит (внимание!), что *права человека становятся действующим правом в глобальном отношении – на “наднациональном”, надгосударственном уровне*. И что, следовательно, права человека обладают, скажем так, *супермощной, универсальной юридической силой*, и потому по вопросам прав человека утверждается идея *универсальной юрисдикции*. И главное – в соответствии с приоритетом международного права каждая национальная юридическая система призвана строиться соответственно принципам и критериям *права человека*» [Алексеев. Право на пороге ... 2010, т. 5, с. 475–476]. Ученый замечает, что в мировой юридической практике еще до дела Пиночета права человека начали получать признание в качестве непосредственно действующих, обладающих прямой юридической силой, независимо от установлений той или иной национальной юридической системы, приводя в пример привлечение в 1996 г. судебными инстанциями ФРГ к ответственности деятелей бывшей ГДР за действия, которые они совершали по существовавшему в свое время «социалистическому законодательству». Рассмотренное в книге дело – «одно из», но именно в силу складывающейся систематичности, а также – для данного случая – явной неординарности (бывший глава государства, действующий сенатор, статус которого мог интерпретироваться как экстерриториальность, неприкосновенность) события и т. д. позволяет говорить о наметившейся мировой правовой тенденции. Ученый подчеркивает, что речь идет не о сформировавшейся уже, устойчивой и необратимой, ситуации в западноевропейских цивилизациях (и тем более нельзя сказать этого о мире в целом), а лишь о весьма показательных симптомах формирования нового важнейшего направления, или тенденции, мирового правового развития. Для утверждения и дальнейшего развития этой тенденции помимо отработки конкретных юридических механизмов и всего правового инструментария в соответствии с идеалами и критериями права человека – объективного права, первостепенное значение принадлежит «ключевому звену – *самому факту должного осознания того, что человечество вступает в новую полосу бытия права, в новую эру права, и отсюда – более высокой и более значимой ступени правосознания и правового мышления, а следовательно – самой трактовки всего комплекса юридических институтов, принципов и идеалов, тенденций и перспектив их развития*» [Алексеев. Право на пороге ... 2010, т. 5, с. 478].

В тексте работы обращается также особое внимание на то, что речь идет не просто и не только о тенденции приобретения правами человека непосредственной обязательной юридической силой, то есть не просто и не только о правах человека в значении субъективных возможностей индивида, имеющих важное духовное, моральное значение, а прежде всего в значении объективного права – права человека со всеми присущими объективному праву характеристиками (общеобязательностью, государственным принуждением к исполнению соответствующих требований, юридической ответственностью за их невыполнение): «Так вот, – пишет С. С. Алексеев, – права человека только тогда обретают действительную юридическую силу и значимость, когда – и тут, каза-

лось бы, при “повторе слов”, нет никакой тавтологии! – *действующая юридическая система становится “правом человека”*. То есть – когда действующая юридическая система, сохраняя все особенности общеобязательного, властно-принудительного нормативного регулятора, вместе с тем по своему содержанию, юридическим механизмам, построению юридических институтов, процедур *юридически настроена на служение человеку*. И когда, следовательно, человек, его неотъемлемые права становятся высшим принципом и высшим критерием – притом не только общечеловеческим, но уже и юридическим критерием! – при решении любых правовых вопросов. И когда, нужно добавить, в практическом отношении права человека как категория духовного, морального порядка высокой значимости оснащаются силой юридических механизмов и средств действующей юридической системы, что и делает их полновесными субъективными правами и в строго юридическом значении.

Есть весомые основания полагать, что перед нами – *самое значительное явление в процессе преобразования права при переходе человечества к цивилизациям либерального типа*. Если угодно, кульминация “либеральной революции” в праве» [Алексеев. Право на пороге ... 2010, т. 5, с. 477]³.

Этот качественный перелом в мире права – процесс перерастания объективного права в право человека, происходящий в рамках перехода человечества к цивилизациям либерального типа, – находится пока что на самых первых фазах указанного процесса и, так же как и сам переход к либеральным цивилизациям, происходит в сложнейших противоречиях и порой трагических столкновениях, в переплетении различных социальных факторов и исторических зигзагов. Мы – свидетели борьбы новых сил, новых принципов и ценностей, в том числе правовых, с идеями, ценностями, поддерживаемыми всей мощью репрессивных авторитарных режимов, которые совсем не готовы уходить с мировой авансены и обладают к тому же немалым потенциалом самого разного уровня и природы (полезные ископаемые, вооруженные силы, ядерное оружие и т. д., и т. п.), в том числе пользуются порой весьма значительной поддержкой «воспитанного» провластными СМИ в «правильном» направлении населения. Рубеж тысячелетий этой именно борьбой и характеризуется: столкнулись два остро противостоящих один другому антипода – право и насилие, соответствующие им социальные силы: «И стало быть, именно сейчас, на пороге нового тысячелетия, во многом решается судьба человечества. Прежде всего, надо полагать, решается коренной вопрос – возобладают ли в схватке между насилием и правом указанная ранее линия на возвышение правовых начал в жизни людей и право в своих высоких значениях – в современных условиях право человека – *займет центральное место в жизни общества*. Или же произойдет трагический для человечества поворот назад – к порядкам права силы, к нравам (по-византийски приукрашиваемым благообразными лозунгами и формулами) произвола, насилия, доводимого до таких крайних отметок, когда по разряду политических акций рассматривается задача “уничтожения” людей» [Алексеев. Право на пороге ... 2010, т. 5, с. 487–488].

Рассматриваемые в работе ситуации – судебное дело Пиночета, военные акции в Югославии, в Чечне и др. – важны лишь как демонстрация сущностных процессов, происходящих в мире, являющихся главным предметом анализа ученого, который отмечает поэтому, что через годы-десятилетия указанные конкретные эпизоды и их детали забудутся, сами эти случаи уйдут в историю, **будут перекрыты другими событиями**. Но основные идеи и глубокие человеческие ценности, вытекающие из них, останутся с людьми и в третьем тысячелетии, и, выражает надежду С. С. Алексеев, навсегда: это (в связи с делом Пиночета) «безусловная святость основных прав и свобод человека, самоценности жизни и свободы человека, недопустимость их попрания ни под каким предлогом и принципиальная невозможность уклонения от ответственности за такого рода деяния в будущем, в том числе под прикрытием формул о государственном суве-

³ Здесь и далее разрядка в цитатах заменена на жирный шрифт, разрядка с курсивом – на жирный шрифт с курсивом.

ренитете, должностных регалий, официального или официозного статуса и, казалось бы, оправдательных мотивов – допустим, таких, как “борьба с коммунизмом” или создание “эффективной рыночной экономики”.

Это, далее (в связи с событиями в Югославии), – принципиальная недопустимость использования регулярной армии, с ее тяжелым вооружением и предназначенностью для ведения войны, с целью решения внутрисударственных конфликтов, даже таких острых, как борьба с террористами и сепаратистами. Ибо действия регулярной армии, тем более армии, оснащенной тяжелым вооружением, нацеленным на массовое, по сути тотальное поражение врага, представляет собой не что иное, как своего рода облагороженное насилие. И, следовательно, здесь – ситуация, которая неизбежно ведет к нарушению основных прав и свобод человека, невинным жертвам, невосполнимым материальным потерям, а в условиях острых межэтнических конфликтов (как это произошло в Югославии) – влечет за собой геноцид в отношении части населения, преступления против человечности» [Алексеев. Право на пороге... 2010, т. 5, с. 488–489].

Что касается военных действий стран НАТО в Югославии, то С. С. Алексеев оценивает их в качестве не соответствующих требованиям права, пишет в связи с подобными событиями (имея в виду также и «самый разгар второй чеченской войны») о глубокой драме права и даже, возвращаясь к событиям в Югославии, о глубокой ране в душах людей и о ране в праве: «И хотя цели НАТО в конечном счете как будто оказались достигнутыми, натовские войска и плюс к ним – российские под флагом ООН и под именем “миротворцев” вошли в Косово, глубокая рана в душах людей и земле Центральной Европы, явившаяся следствием попрания начал законности, других правовых принципов и порядков, осталась. Осталась, по крупному счету, *рана в праве*» [Алексеев. Право на пороге ... 2010, т. 5, с. 502]. Парадокс ситуации в том, что рана в праве – рана в душах людей появилась как результат действий, предпринятых для защиты права, защиты прав человека. И поэтому ученый ставит «КОРЕННОЙ ВОПРОС для всей группы рассматриваемых в данной главе (да и во всей книге) проблем. Вопрос о том, каким образом возможно совместить требования современного гуманистического права с характерным для него приоритетом прав человека и необходимостью реакции на их нарушение, как совместить все это с требованиями законности “вообще”, с другими общими – пусть и стародавними – правовыми началами, с действующими юридическими порядками, выражающими общезначимые, “вечные” достижения мировой юридической культуры?» [Там же, с. 503]⁴. И ответ, предложенный автором, находится в русле одной из зафиксированных им тенденций мирового правового развития – тенденции повышения роли и значения судебной власти, ее авторитета и влияния на социальные отношения, в том числе и прежде всего в странах романо-германской семьи правовых систем. Ответ, разумеется, релевантен лишь для демократических политико-правовых систем и их объединений в рамках международного права, поэтому предложенный вариант решения проблемы, как правило, не «сработает» для авторитарных режимов с карманными судебными органами или вовсе без таковых. В последнем случае имеется в виду наличие некоторых учреждений, которые называются «судами» и в которых работают сотрудники, называемые (причем не только в обычном лингвистическом «обиходе», но и в законах и даже в конституциях таких стран) «судьями», однако цели их деятельности, процедуры и прочие функции, которые они исполняют по телефонным звонкам-приказам и/или путем сервильного угадывания пожеланий верховной политической власти, не имеют никакого отношения к правосудию, к праву и самым минимальным правовым требованиям, предъявляемым во всемирно-историческом, прежде всего западноевропейском, цивилизационном плане к такого рода учреждениям.

Главное при ответе на поставленный в книге коренной вопрос, а по сути очень серьезную и трудноразрешимую проблему, заключается в том, что хотя права человека приобретают характер непосредственно действующих, становятся юридической реаль-

⁴ Словосочетание «коренной вопрос» дано заглавными буквами у автора.

ностью, напрямую входят в позитивное право, однако они остаются в основном общими началами, принципами права, не нашедшими всестороннего и достаточно детализированного конструктивного выражения в соответствующих юридических институтах («а такова генеральная тенденция правового развития в демократических странах» [Алексеев. Право на пороге ... 2010, т. 5, с. 503], – замечает ученый в скобках). То есть объективное право даже в демократических странах не стало пока еще – несмотря на складывающуюся тенденцию его формирования – правом человека, не обрело «критической массы» необходимых юридических конструкций, институтов, процедур, традиций и т. д. Поэтому, по мнению С. С. Алексеева, права человека как общие начала, как определяющие базовые ориентиры для действующего права могут быть лишь основой правовой политики страны, правотворческой деятельности, могут выступать в качестве критерия при толковании права, а также для формирования правового сознания и общего отношения к праву со стороны всех граждан, должностных лиц и государства в целом. Но права человека как общие основы юридической системы, как правовые принципы, которые пока еще не выражены всесторонне, детализированно и полноценно в юридических институтах, юридических конструкциях, *не могут выступать достаточной основой для совершения юридически значимых действий управленческими, исполнительными органами власти*. «И прежде всего, как это ни парадоксально, – пишет ученый, – именно по фактам, свидетельствующим об их, правах человека, нарушениях, даже таким фактам, как геноцид, преступления против человечности. То есть фактам, по самой своей сути требующим жесткой реакции, при необходимости – мер государственного принудительного, даже вооруженного воздействия.

В соответствии с принципом законности есть только один путь (кроме, понятно, законодательных нововведений) для того, чтобы такого рода факты приобрели значение достаточного основания для юридически значимых действий. Это – их признание в качестве юридически значимых и в этом отношении юридически достаточных органами правосудия. Именно суд, действующий в надлежащих процессуальных процедурах, по своему месту в юридической системе, статусу и возможностям может устанавливать истину по данной ситуации и именно ему “дано” непосредственно определять юридические последствия по данным, в правосудном порядке установленным фактам – ситуациям, требующим правового реагирования» [Алексеев. Право на пороге ... 2010, т. 5, с. 503–504]. Позже, в главе «Правовая конвергенция», последней главе работы, мыслитель возвращается к тому, что именно суд должен давать правовую квалификацию многосложных проблем и в том числе конфликтных ситуаций, связанных с серьезными нарушениями прав человека. Для этого необходимо «развитие и совершенствование системы международных судов, призванных защищать права человека, упрочение и углубление их компетенции, императивной силы их решений. В частности, судов с такой, ранее уже обозначенной в порядке постановки вопроса компетенцией, которая бы позволяла выносить в правосудном порядке “констатирующие акты” о грубых нарушениях прав человека, фактах геноцида, других преступлениях против человечности» [Там же, с. 530].

Таким образом, права человека могут служить непосредственной юридической основой для вынесения юридически значимых решений только для органов правосудия. И на основе проведенного в работе анализа ряда дел, рассмотренных судами Великобритании, ФРГ, складывается реальная картина того, каким образом идеологическая, мировоззренческая по своей природе, категория прав человека «входит» в действующее право, способствуя постепенной его трансформации в право человека, – и происходит этот процесс именно и прежде всего через судебную деятельность. Завершая рассмотрение этого вопроса, С. С. Алексеев пишет: «И конечно же, должен прочно утвердиться в современном правосознании и в действующих правовых порядках такой жесткий настрой, связанный с приданием непосредственного юридического значения правам человека, когда бы абсолютно (на уровне безоговорочного “табу”) исключалась сама возможность с одной лишь ссылкой на “права человека” и другие гуманитарные

мотивы внесудебного применения государственно-принудительных мер и, в особенности, использования по одному лишь усмотрению управленческих, исполнительных органов вооруженных сил для решения внутригосударственных – политических и иных проблем, в том числе и в особенности таких, которые целеустремлены на “уничтожение человека” – людей, объявленных вне правосудных процедур, допустим, “бандитами” и “террористами”» [Алексеев. Право на пороге ... 2010, т. 5, с. 505].

Обсуждаемые в книге проблемы и трудности, с которыми столкнулось человечество на рубеже тысячелетий, – исключительно сложные, порой крайне болезненные и практически всегда трудноразрешимые, однако, по мнению мыслителя, как и ряда его предшественников (Канта, например), они не являются абсолютно непреодолимыми: пройдет время – десятилетия или гораздо больше, но есть великий, обоснованный ученым шанс, заключающийся в том, что человечество, осознав свои общие интересы, жизненно важные потребности, решит подобного рода проблемы. И право как главный и основной инструмент такого решения – на самом первом месте. Поэтому в данной работе С. С. Алексеев сначала отвечает на вопросы о том, что такое право – право на пороге нового тысячелетия (первая и вторая части книги), а затем высказывает соображения о перспективах развития права, о его судьбе (третья часть).

Вторым после названия кратким, афористичным выражением ключевых моментов содержания и смысла книги является эпитафия – предпосланное основному тексту работы высказывание знаменитого австрийско-американского юриста – знатока римского, немецкого частного и сравнительного права Эрнста Рабеля (1874–1955): «Переливающиеся многоцветием под лучами солнца и трепещущие от дуновения ветра живые организмы права цивилизованных народов составляют вместе единое целое...» [Алексеев. Право на пороге ... 2010, т. 5, с. 296]. С. С. Алексеев возвращается к этой идее неоднократно прямо и косвенно, т. е. в последнем случае не упоминая прямо приведенную цитату. Содержащиеся в эпитафии смыслы, выраженные там не только в строго научной, но и отчасти в поэтической, художественной форме, последовательно раскрываются мыслителем в трех частях (даже в их названиях и/или в названиях глав) книги: часть первая «Право – единое и разное» («переливающиеся многоцветием под лучами солнца» и «вместе единое целое»), часть вторая «Закон и живое право» («трепещущие от дуновения ветра живые организмы права»), часть третья «Перспектива» (в названии главы 13 «Право цивилизованных народов» цитируется часть эпитафия – «живые организмы права цивилизованных народов...», глава 15 «Правовая конвергенция» – «...составляют вместе единое целое») и т. д. А в эпилоге со ссылкой на упомянутое высказывание Э. Рабеля подводятся итоги исследования и выражается оптимистическая перспектива развития права в будущем: «...при всей необыкновенной сложности нынешней действительности, ее крайней противоречивости, во многом – драматизме, все же, на мой взгляд, определилась оптимистическая перспектива права на нашей планете...

Да, живые организмы права разных стран, говоря словами Э. Рабеля, “переливаются многоцветием”. Но все они, будем верить, идут к той ступени развития, когда они утвердят себя в качестве “права цивилизованных народов”. То есть таких юридических систем, истинно национальных и одновременно универсальных, в которых утвердится право человека как объективная реальность, развернутся на службе людям все богатства юридической материи и которые в нашем всеобщем человеческом общежитии призваны “составить вместе единое целое”.

Что ж, если это верно, то, значит, у человечества есть основания для оптимизма. Есть право цивилизованных народов – право человека, которое, по словам Канта, – самое святое из того, что есть у Бога на земле. Человечество, стало быть, обладает тем, с чем оно с достоинством и надеждой может вступить в новое тысячелетие» [Алексеев. Право на пороге ... 2010, т. 5, с. 544].

Книга была завершена 11 марта 2000 года, поэтому ученый говорит о вступлении человечества в новое тысячелетие. Почти через четверть века – в 2024 году, а это год 100-летнего юбилея со дня рождения С. С. Алексеева, – следует подчеркнуть, что прозорливая оценка мыслителем нынешней современности как необыкновенно сложной, крайней противоречивой и во многом драматичной верна на все 200 % или даже 300 %! Вполне вероятно, что представители точных наук осудят автора этих строк за такую невозможную «операцию» с процентами, но этим лишь хотелось сказать, что если в одном отношении – драматических процессов современности – слова мыслителя оказались многократно, или бесконечно, верными, то можно быть уверенным, что и оптимистический его прогноз в отношении будущего развития права, высказанный в заключении исследования, окажется, в конечном итоге, верным хотя бы на 100 %.

Структура работы. Композиционное построение книги, на первый взгляд, простое и в какой-то мере «симметричное»: пролог, три части, в каждой из которой по 5 глав, и эпилог, но внутри этой структуры можно проследить несколько сюжетных линий, каждая из которых имеет свою научную завязку (в том числе через ряд сложных, конфликтных правовых ситуаций в мире), развитие, кульминацию и устремленность к общей «развязке» – к основной идее книги – к видению будущего Права, его перспективы. В первой части говорится о том, что право – единое и разное: единое по своим глубинным основаниям и разное по формам их выражения. Во второй части – о законе и живом праве – рассматриваются наиболее фундаментальные различия между ведущими правовыми системами и показывается, что для развитого права третьего тысячелетия необходимы такие важнейшие формы, как закон и судебный прецедент: они необходимы для того, чтобы право оставалось стабильным, определенным и одновременно живым, отвечая сути каждой конкретной жизненной правовой ситуации, разрешая ее на основе как уважения прав человека, так и интересов общества в целом (не путать последние с интересами госаппарата). И, наконец, в третьей части – «Перспектива» – показывается, в чем же она состоит, эта главная перспектива: заключается она в правовой конвергенции (название заключительной главы книги), когда ведущие правовые формы – закон и судебный прецедент – будут представлены равновеликим образом во всех развитых правовых системах, базирующихся на правах человека и потому образующих право человека как объективную юридическую реальность, вобравшую в себя наивысшие духовные ценности всего человечества – как Запада, так и Востока – и поставленную на службу людям.

Конвергенция правовых систем. Происходящая в современную эпоху правовая конвергенция интегрирует, зачастую в специфических, модернизированных формах, достоинства основных, базовых мировых юридических систем – романо-германского и общего, прецедентного права. Ученый ставит вопрос: а может ли современное мировое правовое развитие воспринять какие-то позитивные элементы и от третьей базовой семьи юридических систем – традиционного, неотдифференцированного права? На первый взгляд ответ – отрицательный, однако вопрос этот требует, по мнению ученого, дополнительной проработки, поскольку «если не везде, то во многих регионах Востока – сила того права, которое с немалой степенью условности обозначено терминами “традиционное”, “неотдифференцированное”, коренится, помимо иных факторов, в глубоких духовных, этических и даже непосредственно философских началах. И не этими ли глубокими духовными, этическими, философскими началами – понятно, в том качестве, которое соответствует условиям и требованиям современной эпохи, – может быть обогащено и еще с одной стороны усилено современное право?»

Такого рода перспектива представляется остро необходимой» [Алексеев. Право на пороге ... 2010, т. 5, с. 527]. Остро необходимой потому, что по своему генезису и восприятию, в том числе согласно глубоким научным проработкам, право – это явление *возвышенное, святое, духовное, достойное* самого высокого уважения. «Сакральный элемент» современной правовой конвергенции, идущий от восточных цивилизаций, важен в плоскости *духовных и этических основ права*, тех основ, которые «имеют ис-

тинно философский характер и в соответствии с этим концентрируются на уровне категорий “совести”, “стыда”, “чувства вины”, “раскаянья и покаяния”» [Алексеев. Право на пороге ... 2010, т. 5, с. 528]. На важность восприятия положительных правовых ценностей, имеющих в странах Востока, указывает и известный западный правовед Гарольд Дж. Берман, мысль которого цитирует С. С. Алексеев: «Нужно не отвергать позитивные ценности Востока или Запада, а заново их объединять» [Берман 1999, с. 403].

Правовая конвергенция, выраженная в интеграции достоинств различных правовых систем, – это не только процесс, происходящий в различных регионах с той или иной степенью интенсивности, но в настоящее время уже *фактически существующая и работающая реальность*. Конвергенция романо-германской и англо-американской (англосаксонской) семей правовых систем – это реальный и вполне заметный процесс в современном мире, имеющий бесспорное будущее [Марченко 2007; Марченко 2009, с. 246–294; Марченко 2013, с. 516–562]. Отмечается также сходство в доктринах отечественного и англо-американского (аналитического) правового позитивизма [Горбунов 2024]. В меньшей мере в литературе исследуются процессы конвергенции (интеграции) между неотдифференцированными и указанными выше двумя отдифференцированными семьями правовых систем, которые выделяет С. С. Алексеев в этой работе⁵ и о конвергенции между которыми (между указанными тремя семьями) он говорит в заключительной главе книги.

Весьма важным фактором современности и своего рода опорой для дальнейшего прогрессивного правового развития ученый считает «существование в мире *общего правового состояния*, своего рода *уровня права, планки и порога правосознания*, задаваемых процессами правовой интеграции, которые основаны на общепризнанных правовых ценностях данного времени, правовой культуре наиболее развитых, продвинутых по путям прогресса стран, в первую очередь – культуре прав человека, их приоритета» [Алексеев. Право на пороге ... 2010, т. 5, с. 529]. Опорными точками для правового развития в каждой стране должны стать не только внутренние импульсы и потребности, но и та планка правовых ценностей, которая сформировалась в связи с процессами правовой интеграции для человеческого сообщества в целом. Процессы правовой конвергенции, формирование передовых интегрированных структур затрагивают в основном авангардные демократические страны, существенно продвинувшиеся в утверждении либеральных цивилизаций, а также «молодые» государственные образования, твердо вставшие на путь современного демократического и правового развития. Что касается развития права в России, которому ученый уделяет особое внимание, то осуществление некой «правовой конвергенции» в условиях, когда общество выходит из всепоглощающего коммунистического тиранического режима, было бы преждевременным, во всяком случае в полном объеме. Тем более было бы губительным вставать на путь по-большевистски ускоренного продвижения вперед, чтобы выйти на уровень передовых демократических стран. Результаты проведенных в подобном темпе «кардинальных» экономических реформ в 1992–1996 гг. «привели не к формированию свободной конкурентной рыночной экономики с устойчивым постиндустриальным экономическим развитием, а к одному из вариантов номенклатурного полукриминального капитализма, должны быть для нас горьким поучительным уроком» [Алексеев. Право на пороге ... 2010, т. 5, с. 536].

В первую очередь для прогрессивной трансформации нашей правовой системы необходимо «максимальное, насколько это возможно, использование тех ценностей на одном из магистральных направлений мирового правового развития – *ценностей пра-*

⁵ Ранее ученый выделял четыре основных семьи национальных систем (регионов) права: к двум основным, «базовым», он добавлял еще две – общинные (неотдифференцированные) юридические системы ряда стран Азии и Африки, а также заидеологизированные правовые системы при авторитарных политических режимах, прежде всего социалистических стран, где решающую роль играет партийная идеология [Алексеев 1995, с. 276; Алексеев 1999, с. 48].

ва романо-германского (в основном – германского) типа, – путь, на который Россия твердо уже встала и стала развиваться начиная с XVIII–XIX вв.» [Алексеев. Право на пороге ... 2010, т. 5, с. 537]. Уже имеющиеся позитивные достижения на этом пути (Конституция 1993 г. с ее гуманитарно-правовой стороны, Гражданский кодекс России, ряд других законов, первые шаги судебной реформы) представляют собой реализацию ценностей «права, выраженного в законе», а значит, вполне закономерное для романо-германской правовой семьи возвышение закона, признание его безусловного верховенства (хотя формула «диктатура закона» представляется ученому неприемлемой) сопровождаются «настороженным или прямо отрицательным отношением к судебным прецедентам, сведение назначения суда к одной лишь функции строгого и неукоснительного проведения в жизнь “воли законодателя”» [Там же, с. 537–538]. Дальнейшее развитие культуры закона в России как неизбежной фазы правового развития страны с юридической системой романо-германского типа является *оптимальным направлением отечественного правового прогресса*, что не исключает необходимости делать шаги в направлении повышения значимости судебной практики, чтобы со временем поставить на службу российской правовой системе и все достижения прецедентного права.

В качестве кульминационного пункта, или ключевого звена, перспектив правового развития в российском обществе С. С. Алексеев указывает на «важнейшее звено самой первоосновы права – *правоведение и правоведы*. Именно от уровня социальной и профессиональной значимости нашего правоведения, от его состояния и реального места в жизни общества, а в этой связи – от усилий, гражданственности и мужества российских правоведов решающим образом зависят как решение всех упомянутых выше задач, составляющих суть предстоящей действительной российской правовой реформы, так и в целом судьба права в России. Задач – тем более трудных, что их решение осложняется “сбоями” в правовом развитии, – в том числе такими драматичными, как потери и деформации в области права, в правовых представлениях и ориентирах в связи с войной в Чечне 1994–1996 и 1999–2000 гг.» [Алексеев. Право на пороге ... 2010, т. 5, с. 538]⁶. То, что кульминационный пункт, ключевое звено перспектив правового развития в российском обществе – правоведение и правоведы, накладывает на юридическую науку и ее приверженцев особую ответственность перед Россией, перед Историей. Последний фрагмент заключительной главы книги С. С. Алексеев посвящает, и вполне закономерно, юридической науке в связи с процессами конвергенции – ее миссии, проблемам и направлениям развития, по которым пойдет углубление общетеоретических правовых знаний на основе данных, относящихся ко всему комплексу основных юридических систем, существовавших и существующих на планете.

Подводя краткий итог работы 2000 г., предоставим слово С. С. Алексееву, который выделяет наиболее важные идеи, достойные того, чтобы привлечь к ним внимание читателя еще и еще раз: «В данной книге, которая, как уже говорилось в прологе, представляет собой продолжение многоаспектного исследования “Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования”, сделаны в меру авторских сил только первые шаги в данном направлении...»

Но и эти первые шаги, можно надеяться, позволили более основательно подойти к постановке и решению целого ряда фундаментальных проблем теории права, продвинулись к пониманию новых сторон того сложного, многогранного, во многом еще “таинственного” феномена, каким является право. В частности, обретается принципиально новое видение первичных элементов права, не сводимых, как выясняется теперь (по разработкам, содержащимся в этой книге), к одним лишь юридическим нормам, обнаруживается уникальное, в чем-то трудно объяснимое соотношение в нем качеств жесткого организма и “живого права”, выявляется первостепенное значение рациональных начал, прорывающихся через “диктат бытия” во всех его многообразных проявлениях.

⁶ Книга опубликована в 2000 г., и поэтому указаны только первые годы второй чеченской войны, завершившейся в 2009 году официальной отменой режима контртеррористической операции (КТО).

И самое существенное – именно такого рода новая проблематика, весьма значимая для науки и практики сама по себе, оказывается, открывает путь к чему-то более глубокому, поистине основательному, – сначала к пониманию особой (“юридической”) логики права, а затем и к характеристикам мирозданческого порядка. К тому, что самая что ни есть проза правовой действительности, ее формалистические конструкции, заскорузлые дела практической юриспруденции – все это, как выясняется, ведет под углом зрения указанной выше проблематики к пониманию смысла права, его *исконного предназначения служить людям*, способствовать реализации *гуманитарных ценностей высокого порядка* [Алексеев. Право на пороге ... 2010, т. 5, с. 542–543].

Список источников

- Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. 712 с.
- Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия. Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи (2000) // Алексеев С. С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 5. М. : Статут, 2010. С. 295–548.
- Алексеев С. С. Теория права. Изд. 2-е. М. : БЕК, 1995. 320 с.
- Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М. : Ad Marginem, 1999. 431 с.
- Горбунов М. Д. Общие вопросы отечественного и англо-американского (аналитического) правового позитивизма // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 3 (77). С. 6–14. DOI 10.33184/pravgos-2024.3.1.
- Марченко М. Н. Конвергенция романо-германского и англо-саксонского права: Открытая лекция. Киев ; Симферополь : Институт государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины ; Логос, 2007. 36 с. (Серия научно-методических изданий «Академия сравнительного правоведения». Вып. 1).
- Марченко М. Н. Правовые системы современного мира. М. : Зерцало-М, 2009. 528 с.
- Марченко М. Н. Сравнительное правоведение : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2013. 784 с.

Информация об авторе

Алексей Павлович Семитко, д-р юрид. наук, старший научный сотрудник РАН, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, декан юридического ф-та, завкафедрой публичного права, профессор АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург, Россия), лауреат Всероссийской премии имени Сергея Сергеевича Алексеева «За заслуги в юриспруденции». SPINкод автора: 5866-9944.

Information about the author

Alexey P. Semitko, Dr. Sci. (Law), Senior Researcher at the RAS, the Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Dean of Law Faculty, Head of Public Law Department, Professor of Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia), Laureate of the All-Russian Prize named after Sergey Sergeevich Alekseev “For Merits in the Field of Jurisprudence”.

Статья поступила в редакцию | Submitted 07.10.2024.

Одобрена после рецензирования | Revised 27.10.2024.

Принята к публикации | Accepted 28.10.2024.